

Начало пути (1917–1931 гг.)

Действуя вот уже почти 90 лет (не считая 1931–1935 гг., когда подготовка специалистов-историков в Саратовском университете не велась), научно-преподавательская жизнь на факультет не раз подвергалась всевозможным и не всегда оправданным изменениям.

Четырежды трансформировалось само название гуманитарного факультета: историко-филологический (1917–1921); факультет общественных наук (1919–1922); педагогический (1922–1931); исторический (1935–1941); историко-филологический (1941–1945) и снова исторический (с 1945 по настоящее время). Что касается непосредственно исторического отделения, то оно в точности повторяет общефакультетскую судьбу. С 30 апреля 1919 по 1922 г. в связи с изменением по решению Наркомпроса РСФСР структуры гуманитарного образования историческое отделение было выделено из состава историко-филологического факультета и присоединено к юридическому, образовав с ним факультет общественных наук (ФОН). В 1922 г. в связи с очередной организацией вуза оно вошло в состав педагогического факультета, просуществовав в подобном качестве до создания в 1931 г. на базе последнего самостоятельного педагогического института. И только с возрождением в 1935 г. в отечественных университетах исторического образования исторический факультет вновь органически влился в систему учебно-научных подразделений Саратовского университета. О жизни исторического факультета СГУ и работе саратовских историков знают во многих уголках не только родного Отечества, но и далеко за его пределами. Немалая заслуга в этом, бесспорно, принадлежит тем, кто на разных этапах истории факультета умело и тонко руководил его научным и учебным процессом.

С открытием новых факультетов профессорско-преподавательский корпус Саратовского университета пополнился многими видными деятелями отечественной науки и высшего образования, чья жизнь и беззаветное служение Родине были и поныне остаются неиссякаемым источником научной мудрости и духовно-нравственного совершенствования. Наиболее заметную роль в начавшемся процессе играл историко-филологический факультет, который, по свидетельству М. Е. Сергеенко, «был в первые годы своего существования превосходным». Работать на нем изъявили желание ученые из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, в основном талантливая молодежь, но также «и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской работе». Разные по возрасту, характеру, мировоззрению, все они с завидным энтузиазмом и рвением принялись за строительство основ саратовской гуманитарной науки, намереваясь сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение».

Первым деканом историко-филологического факультета был назначен приват-доцент Петроградского университета, магистр философии *Семён Людвигович Франк (1877–1950)*. Искренне радуясь общей рабочей атмосфере на факультете, в письме М.О. Гершензону от 12 декабря 1917 г. он замечал: «У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил <...>. Факультет у нас в общем неплохой – есть живые и талантливые люди <...> и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки».

Среди тех, кому факультет обязан своим становлением и развитием следует, прежде всего, вспомнить имена его первых профессоров: В.И. Веретенникова (русская история), В.А. Бутенко (всеобщая история), В.М. Жирмунского (всеобщая литература), Н.К. Пиксанова (русский язык и литература), М.Р. Фасмера (лингвистика), С.В. Меликову (классическая филология). Позже к ним присоединились Ф.В. Баллод (история искусства), Н.Н. Дурново (русский язык), Н.С. Арсеньев (романская филология и история религии), Г.А. Ильинский (славяноведение). В октябре 1917 г. к чтению курса лекций по русской истории был допущен С.Н. Чернов, а в сентябре 1918 г. по всеобщей истории – Е.Н. Петров.

Благодаря этим людям, их самоотверженной и созидательной деятельности, «прекрасные традиции старой русской науки, казалось, прочно утверждались на юном факультете, который чуть не на границе Азии становился достойным преемником старых славных научных центров».

Таким образом, по справедливому замечанию А. И. Авруса, на факультете имелся достаточно широкий набор кафедр гуманитарного цикла, во главе с крупными специалистами. Это давало возможность читать студентам основные общие и специальные курсы по всем гуманитарным направлениям, проводить в полном объеме семинарские и практические занятия.

Не имея собственного отдельного помещения, новый факультет первоначально расположился в четвертом корпусе университета на бывшей Московской площади (Анатомический институт). Здесь были выделены для него 3 большие лекционные аудитории (одна на 200-250 человек, две вмещали по 300-350 студентов), 2 комнаты для проведения практических занятий (на 30-40 человек) и 6 для устройства кафедральных кабинетов. В 1917/1918 учебном году на историко-филологическом факультете функционировало 7 кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и словесности, всеобщей истории, русской истории и романо-германской филологии, а в следующем году к ним добавились еще две — славянской филологии и теории и истории искусств.

Из существовавших в то время на факультете кафедр самой сильной по научному составу и более всего привлекавшей студенческую молодежь, по общему признанию современников, являлась кафедра русской истории. С 1917 по 1920 г. во главе его стоял воспитанник Петербургской школы, прошедший научную подготовку под руководством прославленного русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, профессор Василий Иванович Веретенников (1880–1942). Не принадлежа к числу блестящих рассказчиков, чьи лекции оставляли неизгладимый след в памяти и сердцах слушателей и будили самостоятельную творческую мысль, В. И. Веретенников оказался вместе с тем великолепным педагогом-наставником и талантливым руководителем семинарских занятий.

Исчерпывающих воспоминаний, указывающих на педагогический дар ученого, современники после себя, к сожалению, не сохранили. Но и по отрывочным, далеко не полным сведениям, мы способны составить для себя довольно четкое о том представлении.

Наиболее ярко и цельно эти качества профессора смогла запечатлеть и донести до нас в прошлом студентка

историко-филологического факультета Саратовского университета, а впоследствии доктор исторических наук Е. Н. Кушева (1899–1990).

Ей посчастливилось заниматься в двух семинарах В. И. Веретенникова: «на первом курсе - в семинаре «Интерпретация ученых мнений» (его задачей, не вполне отвечавшей названию темы, было научить будущих историков точно изложить мнение исследователя по какому-либо вопросу) и на втором — в спецсеминаре «Крестьянство России в эпоху Петра Великого». От работы в последнем у Е. Н. Кушевой остались особенно сильные впечатления. По ее признанию, «почти весь учебный год был посвящен глубокому анализу одного указа Петра Великого — о введении подушной подати. Надо было вдумываться в каждое слово, в каждый термин. В итоге слагалось понимание значения этой податной реформы...» для развития крепостного права в России. Благодаря такому скрупулезному текстологическому разбору исторического документа студенты шаг за шагом постигали азы важнейшего элемента любого исторического исследования — технику источниковедческого анализа.

С именем В. И. Веретенникова неразрывно была связана и работа членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии «по спасению погибавших архивов, принявшая особенно большие размеры в 1918 г. Протекая в чрезвычайно тяжелых условиях, она, — по свидетельству Е. Н. Кушевой, — отнимала у членов Комиссии все силы и средства, но своим результатом имела спасение от гибели и сохранение для потомства большого числа архивов учреждений, ликвидированных после Февральского и Октябрьского переворотов. Эта работа закончена была Комиссией весной 1918 г., когда в Саратове учрежден был Губархив, в ведомство которого и поступили спасенные архивы...». В 1920 г. В. И. Веретенников переехал на постоянное жительство в Харьков, а освободившуюся в Саратовском университете кафедру русской истории возглавил другой, еще более выдающийся представитель Петербургской школы, профессор Павел Григорьевич Любомиров (1885–1935).

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ, в том числе знаменитую монографию о нижегородском ополчении 1611–1613 гг., П. Г. Любомиров очень скоро стал одной из самых крупных и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на всем факультете.

Главной темой его научно-исследовательской работы в саратовский период была социально-экономическая история России эпохи феодализма, особенно история русского народа, промышленности и торговли XVII–XVIII вв. Разрабатывая совершенно новое для себя исследовательское направление, П. Г. Любомиров продолжал успешно заниматься и в русле своих прежних научных увлечений, связанных с изучением Смутного времени и историей старообрядчества и сектантства.

Будучи прирожденным педагогом, П. Г. Любомиров стремился построить свою работу на факультете таким образом, чтобы она объединяла в себе одновременно и исследовательские, и учебные задачи. Посредством лекций, вспоминал С. Н. Чернов, ученый сначала представлял слушателям «глубоко продуманную и тонко выполненную конструкцию русского исторического процесса», после чего «огромную долю своего внимания и труда он отдавал

практическим занятиям. Большой мастер этого дела, — замечал далее его друг и коллега по кафедре, — он ставил для своих семинарских занятий разнообразные темы, брал в качестве источников всевозможный материал, преследуя при этом различные педагогические и научно-исследовательские задачи. Но все семинарии в своем основном содержании всегда преследовали одну и ту же цель:

научить участника студента научно-исследовательской работе».

В личности П. Г. Любомирова современников в не меньшей степени поражало еще одно весьма редкое качество — его бережное и любовное отношение к университету, который он всегда ставил очень высоко и с которым непременно связывал многие свои планы и надежды. «Не жалея времени и сил, — писал по этому поводу С. Н. Чернов, — он охотно, без сожаления и жалоб, отдавал ему свой труд и нервы и вошел во все стороны его жизни и работы. Он умел и других заставить беречь и любить университет, дорожить им и приносить ему в дар свое время и свои силы».

Представление о кафедре русской истории на раннем этапе ее развития не будет выглядеть вполне завершенным, если не вспомнить здесь о «рядовых» ее сотрудниках — зачинателях целого ряда научных направлений, до сих пор имеющих большой успех у исследователей.

Среди тех, кто не мало потрудился во славу отечественной исторической науки и непосредственно самой кафедры в годы ее организационного становления, был видный российский историк, стоявший у истоков советского декабриствоведения и заложивший в Саратове основы научного краеведения, профессор Сергей Николаевич Чернов (1887–1942). Саратовский период его научно-педагогической деятельности, длившийся одиннадцать лет (с 27 ноября 1917 по 1 октября 1928 г.), имел чрезвычайно интенсивный и многоплановый характер. В этом наглядно убеждает нас разнообразная тематика учебных курсов и семинарских занятий, которая была положена ученым в основу работы со студенческой аудиторией. В первом 1917/18 учебном году им был прочитан курс лекций, отражавший в основном его научно-исследовательские интересы дореволюционных лет: «История литовско-русского государства до 1569 г.» и «История Среднего и Нижнего Поволжья до конца XVII в.». В дальнейшем С. Н. Чернов читал

специальные курсы по исторической географии России, методологии источниковедения и истории политических движений 10–20 гг. XIX в. Будучи одним из первых отечественных исследователей, приступивших к изучению освободительного движения в России, С. Н. Чернов активно и весьма плодотворно работал как над декабристской тематикой, так и над сбором и систематизацией архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Н.Г.Чернышевского, и непосредственно участвовал в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени.

Что касается личных качеств ученого и оценки его педагогического мастерства, то выразительнее всех о них отзывалась в воспоминаниях М. Е. Сергеенко, вместе с С. Н. Черновым работавшая в эти годы в Саратовском университете: «Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал “чувством истории”, которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания, и очарованием, исходившим от всего его существа. Сергей Николаевич не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие “родина” считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом».

Характеризуя научно-учебную деятельность кафедры русской истории Саратовского университета в 1920-е гг., нельзя не упомянуть и о той роли, которую

сыграл в ее жизни знаток истории местного края, опытный архивист, специалист по палеографии, бумажным водяным знакам и истории мордовского народа, профессор Александр Александрович Гераклитов (1867–1933).

Являясь с дореволюционных лет известным в городе краеведом и палеографом, с открытием историко-филологического факультета он был приглашен на преподавательскую работу в Саратовский университет. Начиная с 1918 г. А. А. Гераклитов читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI–XVIII вв. и вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий он широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и поныне хранящегося в университетской библиотеке рукописного собрания профессора И. А. Шляпкина. В 1920-е гг. по инициативе А. А. Гераклитова в университете была предпринята еще одна большая коллективная работа — семинарий со студентами-историками по разработке и систематическому изучению ревизских сказок III ревизии Завального и Узинского станов Пензенского уезда. «Для выработки цифрового материала, — вспоминала о работе этого семинария Ю. А. Кузнецова, — была разработана статистическая таблица, богатый бытовой материал выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе проработанного материала написать историю данного (обычно разноместного) населенного пункта».

Предпринятая А. А. Гераклитовым первая попытка освоения этих богатых архивных материалов осталась, к сожалению, не завершенной. Впрочем, отдельные ее результаты нашли свое частичное отражение в публикациях Ю. А. Кузнецовой и Е. П. Подъяпольской.

За четверть века научно-педагогической работы в Саратовском университете А. А. Гераклитов проявил себя как весьма зрелый ученый, опубликовавший 69 научных трудов по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Он был и навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость». Подводя краткий итог работе кафедры русской истории на раннем этапе ее существования (1917–1931 гг.), необходимо, прежде всего, отметить средоточие в ней крупных научных и преподавательских сил, основу которых составили яркие представители Петербургской исторической школы (В. И. Веретенников, П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов). Одновременно с организационным становлением кафедры, созданием ее кабинета и библиотеки, на ней велась непрерывная и весьма плодотворная научно-исследовательская деятельность.

В результате оформилось четыре основных направления научной работы кафедры:

- История социально-экономического развития России (проф. П. Г. Любомиров);
- История государства и права Древней Руси (проф. С. В. Юшков);
- История общественного движения (проф. С. Н. Чернов и проф. П. Г. Любомиров);
- Археология Нижнего Поволжья и история края (профессора П. С. Рыков, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов и А. А. Гераклитов).

С историей становления и развития кафедры русской истории, примерно, схожа судьба и коллектива второй кафедры исторического профиля гуманитарного факультета Саратовского университета — кафедры всеобщей истории. Однако воссоздать аналогично первой коллективный портрет этой научно-учебной структуры факультета из-за малочисленности фактического материала весьма не просто. Вместе с тем, ее сотрудники оставили не менее заметный след в истории университетской исторической науки. Организатором и первым заведующим кафедрой всеобщей истории был воспитанник Петербургской школы, специалист по проблемам изучения французского либерализма первой половины XIX в., профессор Вадим Аполлонович Бутенко (1877—1931).

Будучи ярким представителем «буржуазной кареевской школы», В. А. Бутенко попал в число «намеренно забытых» историков». На протяжении длительного отрезка времени, за некоторым исключением, его жизни творческому наследию не было посвящено ни одной серьезной научной работы. И только

совсем недавно имя этого ученого было востребовано из небытия, явившись предметом специального диссертационного исследования С. Л. Клестовой.

До своего назначения на профессорскую кафедру в Саратовском университете В. А. Бутенко располагал уже немалым научным и педагогическим опытом. В разные годы он читал лекции в Александровском лицее, Психоневрологическом институте и Петровском училище, а также руководил практическими занятиями в Петербургском университете. Имелся у него и опыт организационно-административной деятельности в качестве декана исторического отделения частного университета в Петрограде. К 1917 г. В. А. Бутенко подошел зрелым и довольно известным в ученом мире исследователем, написавшим целый ряд оригинальных научных работ по западноевропейской истории. «Успешным преподаванием своим в [...] учебных заведениях, в особенности же в университете и Лицее, — писал Н. И. Кареев еще в 1909 г., — В. А. Бутенко вполне доказал способность свою к профессорской деятельности».

10 сентября 1917 г. он становится первым руководителем кафедры всеобщей истории в Саратовском университете, оставаясь им вплоть до своей вынужденной отставки в 1928 г. Одновременно с этим, в период с 22 сентября 1918 по 1 апреля 1919 г. он являлся деканом историко-филологического факультета, а со 2 июня по 1921 г. — факультета общественных наук (ФОН).

На кафедре В. А. Бутенко был самым опытным профессором всеобщей истории. Кроме университета, он читал общий курс истории Западной Европы XV–XVIII вв. и в Саратовском институте народного хозяйства, являлся членом Саратовского общества истории, археологии и этнографии.

«Новые веяния в науке, — замечает С. Л. Клестова, — не отразились на позиции В. А. Бутенко, он по-прежнему оставался верен “основной добродетели настоящего историка”, привитой ему когда-то Н. И. Кареевым — беспристрастие во имя объективной научной истины, в каком бы конфликте она не оказалась с симпатиями и интересами самого историка. Такое отношение к науке позволило В. А. Бутенко приступить к концептуальной разработке курса лекций по истории Западной Европы. Он чувствовал себя настоящим хозяином в этой области и без труда составил “Краткий конспект лекций”, охватывающий период от эпохи Возрождения до Великой французской революции. Круг слушателей В. А. Бутенко не ограничивался университетской молодежью. В 1920/21 учебном году он с успехом читал лекции в Саратовском институте народного хозяйства. Институт помог ему издать столь необходимый в условиях нехватки учебных пособий по новой истории его лекционный курс. Тогда же В. А. Бутенко приступил к составлению лекций по следующему периоду (XVIII–XX вв.). Исторический материал был весьма обширен, и он решил разделить курс на несколько частей. Вскоре к изданию был готов первый выпуск».

«Наряду с лекционной работой, — отмечает далее автор цитируемой статьи, — профессор В. А. Бутенко неотрывно занимался научными изысканиями. Кафедра всеобщей истории испытывала недостаток в специалистах по медиевистике, истории славянских народов и стран Востока. Поэтому научно-исследовательская работа в основном шла по двум направлениям: изучением проблем античности занимались профессор С. И. Протасова, доцент Ю. А. Иванов, а первые в Саратовском университете исследования по новой истории Западной Европы принадлежали В. А. Бутенко. Докторская диссертация, ставшая логическим продолжением магистерской, была закончена им после отмены ученых степеней и защита ее не состоялась. Об издании столь объемной работы (около 30 печатных листов), к тому же не соответствующей актуальной проблематике, не могло быть и речи. Зато отдельные ее части удалось опубликовать. Эта серия работ по своему содержанию непосредственно

примыкала к первому тому «Либеральной партии», в котором автор на основе документов Парижского Национального архива осветил историю французского либерализма (1814–1820), затронув при этом целый круг вопросов: политическую идеологию и практическую программу либералов, парламентскую работу и роль либеральной партии в создании конституционного порядка. Завершив повествование 1820-м г., В. А. Бутенко тем самым обозначил конец первого периода французского либерализма эпохи реставрации, уроки которого вынудили «защитников свободы» изменить тактику борьбы и пересмотреть программные установки. В дальнейшем исследовании истории либеральной партии автор предполагал не только продолжить изучение политической стороны эпохи, но и подробно остановиться на социальных вопросах, практически неизученных в исторической науке».

Деятельность В. А. Бутенко в Саратове не ограничивалась лишь университетской кафедрой. Помимо профессуры он также принял на себя заведование Радищевским музеем, немедленно приступив сам и привлекая всех заинтересованных лиц к систематизации музейного собрания и разворачиванию первых в городе научно обоснованных экспозиций. «За десять лет (1918–1928) собрания музея обильно пополнились из Государственного музейного фонда, Русского музея, Третьяковской галереи, благодаря чему Радищевский музей превратился в одно из крупнейших в стране собраний русского и западноевропейского искусства. Пополнению коллекций музея и организации научной работы в нем способствовала деятельность саратовского Историко-этнографического общества, куда входил и профессор В. А. Бутенко». В Саратове же высветилась и еще одна грань таланта ученого — историографическая. В 1923 г. в журнале «Анналы» им была помещена большая статья «Наука новой истории в России (историографический обзор)». «Этот обзор был первым и целостным обозрением зарождения, развития и достижения мирового уровня отечественной науки новой истории стран Запада». С 20 сентября 1918 года к чтению лекций по новой истории был допущен еще один талантливый ученик Н. И. Кареева — Евгений Николаевич Петров (1888—1942). Подававший большие надежды и как начинающий исследователь эпохи Великой Французской революции, и как наблюдательный и тонкий педагог-наставник, Е. Н. Петров проработал в Саратовском университете, к сожалению, не долго. В 1921 г. он вернулся в Петроград, где стал работать в Политехническом институте, затем на вечернем отделении Педагогического института, Финансово-экономическом и Плановом институтах. Начиная с 1933 г. Е. Н. Петров — доцент по всеобщей экономической истории на географическом, а с 1934 г. исторического факультетов Ленинградского университета. В январе 1936 г. Ученый совет исторического факультета ЛГУ принял решение о присуждении ему ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. К числу тех, кто успел оставить значительный след в науке и подготовке специалистов-историков, относится и имя профессора Софьи Ивановны Протасовой (1878—1946).

По свидетельству Л. А. Дербова, «Профессор С. И. Протасова принадлежала к старшему поколению советских историков, переходивших в 20-х гг. на позиции марксизма и разделявших прогрессивные взгляды. Ее лекции и семинарии по истории Греции и Рима вызывали большой интерес у студентов. С. И. Протасова принимала активное участие в руководстве студенческими кружками, в частности кружком любителей классической филологии, организованным тогда еще молодым преподавателем М. Е. Сергеевко. Под

руководством С. И. Протасовой, в частности, читались и комментировались известия Геродота о юге России и другие античные источники».

В 1919–1921 г. историко-филологический факультет возглавлял известный историк, археолог и искусствовед, признанный знаток древнеегипетских манускриптов, заведующий кафедрой теории и истории искусств, профессор *Франц Владимирович [Франц Александр Владимир] Баллод [Balodis] (1882–1947)*.

В Саратове ученый читал три лекционных курса: по археологии Восточной Европы, истории Древнего Востока и истории египетского искусства, помимо этого он вел семинарий по расшифровке древнеегипетских текстов. Ф.В. Баллоду принадлежит немалая роль и в организации подотдела губернского отдела народного образования по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Однако широкую известность он приобрел после того, как возглавил первую университетскую археологическую экспедицию и впервые *научно* описал полученные ею результаты.

После реорганизации в апреле 1919 г. структуры гуманитарного образования судьба исторического отделения, вошедшего в состав вновь созданного факультета общественных наук, долгое время оставалась неопределенной. Комментируя в письме С.Ф. Платонову от 27 декабря 1919 г. происшедшие в жизни саратовских историков перемены, С.Н. Чернов замечал: «...В отношении заседаний хуже положения историков, по крайней мере у нас, нет, ибо они сидят и в Филфаке (истор[ико]-фил[ологический] фак[ультет]), и в Факоне (Фак[ультет] Обществ[енных] Наук), и в Колпропрепистоте (Коллегия Проф[ессоров] и преп[одавателей] Истор[ического] отд[еления]). В Факоне сидят по обязанности все через него проводить. В Филфаке – по внутреннему чувству и определенному желанию Филфака, чтобы вся деятельность отделения протекала через него. В Колпропрепистоте – по необходимости прийти и в Филфак, и в Факон с выработанными проектами, ибо от первого мы официально ушли, а ко второму по существу не пристали».

Новое университетское подразделение оказалось весьма специфическим и, как показало время, не жизнеспособным структурным образованием. На передний план в его учебной и научной деятельности выдвигались для многих непонятные, исходившие исключительно из марксистской теории задачи, к реализации которых в принудительно-обязательном порядке привлекались все сотрудники ФОНа. «Здесь впервые в университете, – подчеркивал летописец саратовского истфака, профессор Л.А. Дербов, – началось чтение лекций по таким дисциплинам, как история социализма, советское государственное право, рабочее право, теория социалистического хозяйства, методология истории, история Интернационала и др., несколько позже стал читаться курс истории ВКП (б)».

Отстаивать в таких условиях в полном объеме традиции и принципы свободной академической науки не под силу оказалось даже руководителям ФОНа, а за пять лет существования этого факультета его возглавляли люди отнюдь не ординарные.

Первым в списке деканов факультета общественных наук Саратовского университета стоит имя воспитанника Петербургского политехнического института, ученика М.И. Туган-Барановского, А.А. Чупрова и П.Б. Струве, доктора политической экономии (1910), профессора *Леонида Наумовича Юровского (1884–1938)*.

Встретив с большим воодушевлением известие о свержении самодержавия в России, более того, согласившись в августе 1917 г. занять пост управляющего Особым статистико-экономическим отделом Министерства продовольствия Временного правительства, Л.Н. Юровский тем не менее очень скоро усомнился в

способности новой власти эффективно управлять страной. Что касается Октябрьской революции, то к ней он, как и большинство российской интеллигенции, отнесся вначале исключительно враждебно. Но «характерная для Юровского способность объективно анализировать сущность происходящих процессов независимо от личных пристрастий привела его к сотрудничеству с Советской властью. В ноябре 1917 г. он переехал в Саратов, где работал до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета общественных наук, ректором организованного в 1918 г. института народного хозяйства, членом губернской плановой комиссии».

Оказавшись затем в Москве, Л.Н. Юровский «вошел в число тех высококвалифицированных специалистов по денежному обращению, которые с осени 1921 г. привлекались правительством для поиска путей оздоровления денежного обращения», имевших до определенного момента «редкую для экономиста-теоретика возможность реализовывать свои идеи на практике».

Как человек высокой культуры, разносторонних интересов и познаний, ученый всячески старался избегать «конфликтов в повседневной жизни, но в сфере профессиональной он твердо и принципиально отстаивал свои взгляды. <...> Но время для честного исполнения своего предназначения уже подходило к концу».

26 июля 1930 г. обвиненный в принадлежности к антисоветской «трудовой крестьянской партии» Леонид Наумович был арестован и спустя два года осужден на восемь лет лагерей. Однако «13 декабря 1934 г. на фоне нового витка массовых репрессий после убийства С.М. Кирова было принято решение Политбюро об освобождении Юровского», но, увы, не надолго: в конце 1937 г. он вновь был арестован и 17 сентября 1938 г. расстрелян.

Такой же трагический финал судьба уготовила и преемнику Л.Н. Юровского на посту декана ФОНа, профессору В.А. Бутенко.

Не желая в обстановке нараставшего идеологического прессинга дожидаться худшей для себя доли, Вадим Аполлонович 23 февраля 1928 г. обратился к известному в Саратове медику, профессору Ф.Я. Китаеву, за врачебной консультацией. Тщательно обследовав пациента, тот констатировал у него «...неврастению в тяжелой форме и настоятельно рекомендовал временно отказаться от преподавания и поправить здоровье». После этого, сославшись на сильное недомогание, В.А. Бутенко написал заявление с просьбой освободить его от чтения лекций и ведения практических занятий до конца текущего семестра.

В конце августа 1928 г., вынужденно расставшись с Саратовом, семья Бутенко поселилась в Ленинграде, но желаемого успокоения историк не нашел и у берегов Невы. Более того, когда среди столичных ученых начались аресты, связанные с «делом Академии наук», 26 апреля 1930 г. на своей квартире (ул. Красных Зорь, 54) был арестован и В.А. Бутенко. Обвиненный в причастности к контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», якобы возглавляемой академиком С.Ф. Платоновым, 10 февраля 1931 г. он был приговорен к десяти годам лишения свободы. Скончался В.А. Бутенко 14 сентября 1931 г. от скоротечного легочного туберкулеза и был похоронен на арестантском кладбище недалеко от станции Май-Губа, находящемся ныне на дне Беломоро-Балтийского канала.

Единственным руководителем ФОНа, кому чудом удалось избежать политических репрессий, оказался специалист по социально-экономической и государственно-правовой истории феодальной России, профессор *Серафим Владимирович Юшков (1888–1952)*.

В Саратовском университете он проработал девять лет, с 1919 по 1927 г., успешно сочетая педагогическую и

общественную деятельность с большой научно-исследовательской работой, развивавшейся в двух основных направлениях. С одной стороны он занимался изучением древнейших источников русского права, а с другой – разрабатывал вопрос о генезисе феодальных отношений в Древней Руси. В Саратове увидели свет его работы о древнерусских юридических сборниках XIII в., об Уставе князя Владимира, Судебнике 1497 г., а также исследования по истории феодальных отношений в Киевской Руси.

В 1927 г. С.В. Юшков был избран профессором юридического факультета Ленинградского университета, где предпринял попытку осуществить важную для истории русского права задачу – издать Русскую Правду. В 1935 г. поставленная им цель была успешно достигнута. Позже он вел научно-преподавательскую работу в высших учебных заведениях Узбекистана, Дагестана, Свердловска и Москвы. С 1944 г. С.В. Юшков являлся профессором Московского университета, Военно-юридической академии и Всесоюзного института юридических наук.

В первый год существования факультета на него было зачислено 67 студентов и 117 вольнослушателей, затем к ним присоединились 178 слушательниц высших женских курсов, слившихся с университетом. А к лету 1919 г. на обоих отделениях факультета занималось уже 1172 студента, среди них треть составляли мужчины. 14% из вновь принятых студентов не имели законченного среднего образования, что не могло, конечно, не сказаться на качестве их обучения в университете. К тому же, проведенный деканатом факультета профессором Ф. В. Баллодом

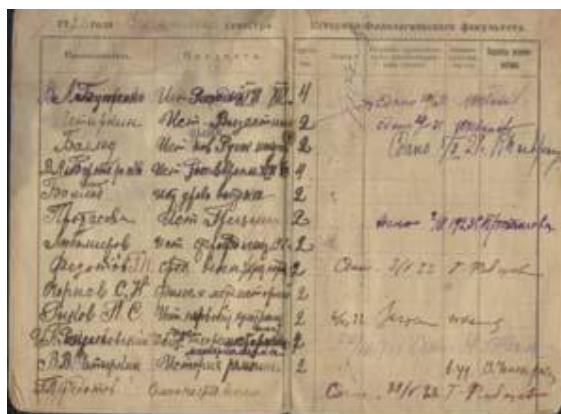
анализ посещаемости и успеваемости показал, что регулярно ходили на занятия и сдавали экзамены только 528 человек, т. е. 45% зачисленных. Такое положение дел не могло, конечно, не беспокоить научно-педагогический персонал факультета, который дел все от него возможное, чтобы отыскать в студенческой среде людей искренне интересующихся наукой и привить им навыки самостоятельной научно-исследовательской работы. На это, прежде всего, была нацелена разнообразная тематика руководимых ими практических занятий: семинариев по истории крестьян в России (проф. В. И. Веретенников) и по изучению экономики России середины XVIII в. на основе наказов в Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г. (проф. П. Г. Любомиров), семинариев и спецкурсов по истории движения декабристов (проф. С. Н. Чернов), организация археологических экспедиций с участием студентов (проф. Ф. В. Баллод, П. С. Рыков и др.).

Необходимо признать в итоге, что с непростой задачей подготовки молодых специалистов саратовские историки справились и справились в основном успешно. Для иллюстрации можно упомянуть о первой печатной работе выпускницы Саратовского университета Е. Н. Кушевой «Из истории публицистики Смутного времени XVII в.».

Весьма примечателен в связи с этим и тот факт, что кроме П. Г. Любомирова, поставившего перед ней эту исследовательскую задачу, заметную помощь на завершающем этапе работы Е. Н. Кушевой оказал и его учитель по Петербургскому университету – С. Ф. Платонов. Наглядным подтверждением тому является письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 21 августа 1925 г., в котором он сообщал: «Е. Н. Кушева скоро будет в Петрограде — будет кончать свою “смуту”. Ей,

конечно, не обойтись без Вашей помощи, т. к. придется работать в рукописных хранилищах. Есть, кажется, у нее и кое-какие вопросы к Вам». Исключительный интерес представляет и другое его же письмо от 11 марта 1926 г., содержащее лаконичную и в то же время удивительно ёмкую и точную характеристику Е. Н. Кушевой. «Перечитывая как-то Ваше осеннее письмо ко мне, — обращаясь к С. Ф. Платонову, замечал саратовский историк, — вспомнил, что в последнюю встречу в Москве не переговорил с Вами по одному маленькому пункту. Пункт этот касается Е. Н. Кушевой. Мне было тогда очень радостно читать Ваши впечатления о ней, как о молодом научном работнике, радостно было их перечитывать и теперь. Но и тогда мне показалось и кажется теперь, что за ее строгою и немного чопорною внешностью, в которой чувствуется какая-то деревянная кладка, от Вас осталось сокрытым богатство ее внутренней жизни. Эта жизнь, где в прекрасной гармонии переплетаются тонкая настроенность с изящными и нежными движениями чувства. Но этот прекрасный внутренний мир доступен не многим: лишь тем, кто длительно присматривается к ней и видит его невольные обнаружения. Ее семейный уклад и большие семейные невзгоды сделали ее сдержанной и очень замкнутой. К тому же воспитание строилось, кажется, по линии скромности — и девочки (Е. Н. Кушева и две ее сестры) были “перевоспитаны”. И вот ей всегда представляется, что она мешает своим разговором; и она боится своего собеседника, которому, как ей думается, она мешает и не знает, как быть: говорить дальше или уйти. <...> Я расспрашивал ее о визите к Вам — и она мне говорила, что все время беседы чувствовала себя очень неловко, потому что ей казалось, что она Вас оторвала от работы. Так тяготеет над ней тяжелое прошлое семьи и воспитания».

От общения с теми студентами, которые действительно желали постичь таинства исторической науки, ученые-историки получали истинное наслаждение. Доказательства тому Переписка С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова с их общим учителем по Петербургскому университету — С. Ф. Платоновым.

«В добавление к тому большому письму, — писал С. Н. Чернов, — хочется сказать, какая у нас хорошая студенческая молодежь. Вы, Сергей Федорович, видели много хорошей молодежи, много ее учили, но, думается, и Вам она показалась бы отменно хорошей, необычайно удачного состава. Сколько желания работать, и какие хорошие работы! Жалко порою даже уходить из аудитории, и просиживаешь в ней с охотою лишние часы. Работать же ей приходится в отчаянно тяжелых условиях общего и личного порядка». В другом письме он же с

неподдельным пафосом восклицал: «Отраду <...> находишь только в работе, семье и растущей прекрасной, подлинно золотой, молодежи. Да, это будет крепкая и дельная интеллигенция будущего — интеллигенция-народ, чудеснейшее явление нашей современности».

В том же ключе высказывался и П. Г. Любомиров: «Им [Саратовским университетом] я удовлетворен. Группа ближайших сотоварищей историков дает многое во взаимном общении. Довольно много слушателей и, главным образом, слушательниц. Среди них есть люди, с которыми очень приятно заниматься». «Настроение студенчества, — признавался в другой раз историк, — рабочее, хорошее. Радуют последние поступления, отобранные по конкурсу. Мне приходится иметь дело со II курсом; аудитория внимательная, интересующаяся. Я поднял тон изложения, вернувшись от элементарности последних лет к более серьезному чтению. Riskнул даже объявить, что зачет буду принимать по собственной программе. Не знаю, что выйдет!»

Историко-филологический факультет с первых месяцев своего существования стал одним из центров культурно-просветительной работы в городе. Особую роль играло философско-историческое общество, созданное в начале 1918 г. под председательством С. Л. Франка. Его заместителями стали В. А. Бутенко и В. И. Веретенников, а секретарем общества — В. М. Жирмунский. Факультет тесно взаимодействовал с Саратовской ученой архивной комиссией, способствовал развитию музейного дела. В 1924 г. по инициативе историков и археологов при университете был организован научно-исследовательский институт краеведения (Краеведческий институт изучения Южно-Волжской области), сыгравший видную роль в комплексном изучении Юго-востока нашей страны.

Все это убедительно свидетельствовало о необходимости в будущем еще более тесного сотрудничества гуманитарной науки, с одной стороны, и местных органов власти, с другой. Но на поверку все обернулось иначе.